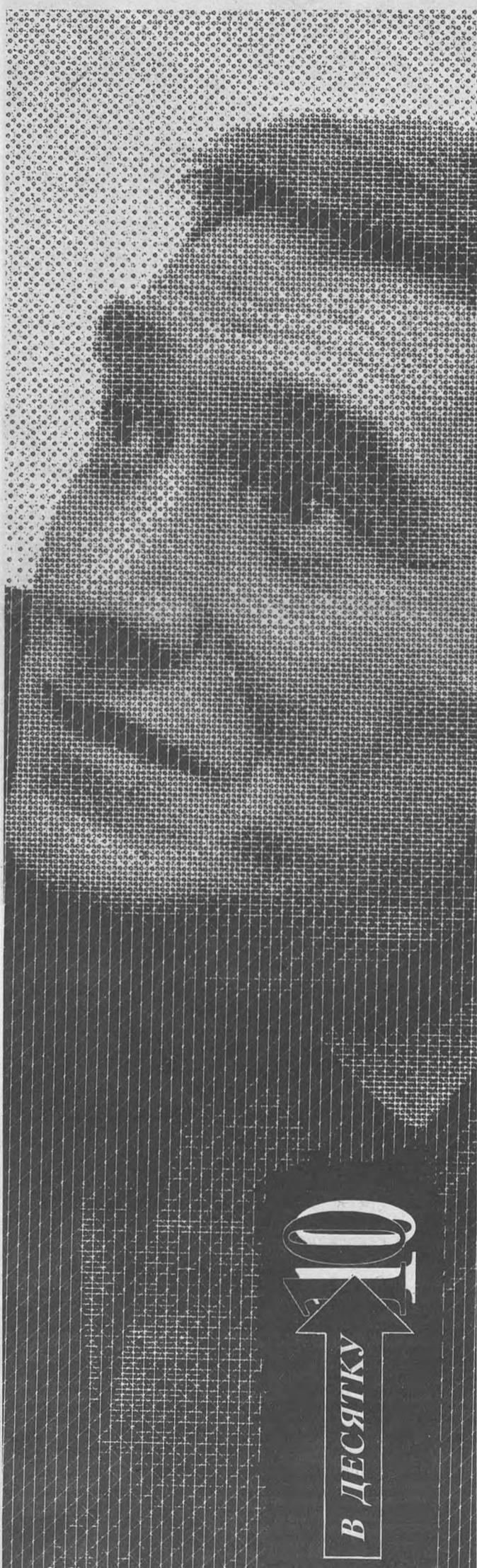

Армен Джигарханян:

«Люблю НЕРОНА — за три часа СВОБОДЫ!»

Слушать Джигарханяна — и потом иметь дело с бумагой? — какое это наказание! Джигарханян не существует на бумаге, это сплошное ВИДЕО, он ежеминутно создает людей — жестом, мимикой, свистом, своими какими-то междометиями, мыслью его, делая неожиданное пики, сбивает вас на землю с придуманных небес, а кроме того, Джигарханян мастерски говорит на тарбарском языке — главным государственным языке нашей жизни; и после его какого-нибудь многозначительного «Таля-буля! Таля-муля!» многие возвышенные и умные речи оказываются просто фуфлом, и вы любого человека, в том числе и себя, видите как на ладони: на жесткой, крепкой ладони того, кто смотрит на мир беспощадными глазами. Джигарханян — первобытный человек, человек, сохранивший свое ПЕРВОБЫТИЕ, свое «Я»; и пусть он ходит в пиджаке и свитере, вы все равно видите не своего затюканного современника по XX веку, а человека, свалившегося вам на голову прямо оттуда — с небес Рима. И даже когда он мрачно-задумчиво выходит из «Волги», кажется, что это какой-нибудь выдавший виды ковбой или золотоискатель дружески хлопает по боку свою усташую кобылу. Хотя машина-то — с иголочки, на ней ни пылинки, да и сам Армен Борисович вполне в порядке: у него и отчество есть, и телефон, и очки, и дом, который он любит за тишину, и кот в доме, которого он любит за независимость, и семья, и слава, и все как у людей — если бы не это жесткое, почти нероновское лицо с пронизательными глазами.

— Вы — независимый человек, не вписывающийся ни в какую игру. Как вам это удалось?

— Я независимый человек? Да что вы! Я — раб. Я завишу от всего: от воздуха, от быта, от режиссера. Конечно, я храбрюсь. Да пошли они все в задницу! — ГОВОРЮ Я СЕБЕ. Кто-то что-то сказал? Кто-то шушукается за моей спиной?! Да завтра же заявление на стол — и пошли они все! — ГОВОРЮ Я СЕБЕ. Но ведь это не так. Я-то боюсь, во мне сидит страх, но я хорохорюсь. А чего Я-то боюсь? Чего МНЕ-то бояться? — ГОВОРЮ Я СЕБЕ. Но это все не так. Свобода — это ведь не слова о свободе, это что-то другое. Другой воздух, другая биология, все — другое. Я — раб. А свободен я три часа — те три часа, пока я нахожусь на сцене. Может быть, поэтому я и люблю Нерона — за три часа свободы! Ведь Нерон — свободный человек, и плевать он на все хотел! И пока я на сцене, я свободен.

— А в жизни?

— До недавнего времени я был уверен, что я так же свободен и независим, как мой кот Фил, что я тоже сам по себе. Но — иногда лишаешься некоторых иллюзий и относительно себя самого.

— Есть всегда одна возможность свободы: заниматься своим делом...

— Я решил как-то на Арбате — я там живу — попить кваску. Очередь. А продавщица ну ничего не умеет! Не знает, какой винт крутить, чтобы квас полился в кружки. И вот она, потная, красная, бестолковая, крутит все подряд, а очередь — бывалая очередь любителей кваса — ей кричит: «Ты вон тот, вон тот крутани!» И в театре, и в искусстве то же самое: ведь театр — модель жизни.

Я как-то снимался в одном фильме — таком джек-лондонском фильме про бродяг и бандитов, где моим напарником был актер Максим Мундзук — коряк по национальности. Мы с ним там идем по тайге, ветер, и надо разжечь костер. Режиссер моему напарнику говорит: ты костер разложи, потри вот так руки — ну, а все остальное сделают оператор и монтажер. И тут мой товарищ по тайге сплотно так отвечает: «Зачем? Я сам разожгу костер!» И разжег! Мы видели, как у нас на глазах, на самом ветру человек потер руки — и появился настоящий дымок! И мы, образованные, начитанные, информированные и знающие люди, — как мы сидели перед этим костерком! Вот так: «Таля-муля! Таля-буля...» А послушаешь много режиссера: бог мой, как он тонко понимает Шекспира, какой он умница, до каких вещей он дошел — ты об этом и не подумал! Но вот наступает минута действия (а театр — это действие), и выясняется, что этот знаток, этот гений, этот авангардист не может самого простого — не может двух актеров развести на сцене так, чтобы они, как у нас говорят, «не стукнулись лбами»!

Я давно заметил: когда люди занимаются НЕ СВОИМ ДЕЛОМ, они даже внешне становятся некрасивыми: НЕ ИХ ДЕЛО словно корежит их даже внешне — корежит настолько, что они вызывают антипатию. Когда-то в Ереване еще молодым актером я постоянно бегал по сцене, пока одна старая актриса не сказала мне после репетиции: «Армен, не бейте по сцене, ВАМ ЭТО НЕ ИДЕТ». И с тех пор я знаю, что мне ЭТО НЕ ИДЕТ. А скольким людям «не идет» их жизнь, их профессия и они об этом не гадаются?

— Однажды мне пришло в голову,

что Лев Толстой велик не потому только, что написал великие романы, а потому, что прожил ту жизнь, какую хотел прожить, и так, как хотел: при всех его мучительных исканиях, потерях, самоедстве... — Если бы мы все имели мужество, волю, характер прожить свою собственную, а не чужую жизнь...

— А вы?

— Мне идет моя жизнь, моя профессия, но я не знаю, на что я был бы способен, если бы жизнь повернулась по-другому. Другого варианта она мне не предложила.

— Зато варианты предлагает вам театр. Один из них — Нерон. Вы играете политического уголовника, человека, которому все позволено, в его распоряжении — «это бы дло», то есть, простите, «этот великий римский народ», как все время оговаривается Нерон. В его власти «убойные люди», которые сидят в яме, звереют и дичают, но знают, что сегодня им обещана свобода, что один день они побудут царями, то есть будут жратва, девки, вино. А завтра, в обмен на этот великий день, они будут убивать друг друга — и они согласны! Не противно ли вам играть Нерона? Не противна ли вам самому власть?

— А я люблю Нерона, и пусть мой ответ вас не очень удивляет. Я люблю его все три часа, пока он вместе со мной на сцене. Но и потом он не уходит, остается где-то здесь, под ребрами...

— Палачи уже исследованы в истории — остается исследовать нас, рабов, нашу вечную, преданную, неизбывную любовь к неронам, считающим нас быдлом без всяких оговорок.

— Это Мы позволяем ИМ делать все, что они хотят. И потому Нерон делает все, что он хочет: он насилует мертвую мать — и небеса не раскаляются после этого, и Нерон задает Сенеке вопрос: а где же были небеса? почему молчали боги? или они были со мной заодно? Он дразнит людей: «Да, я — вот такой, мерзавец и подонок. А что вы со мной за это делаете? Ну? Н-ну же?» И — ничего: великий цезарь — 40 раз, мы хотим такого цезаря, как ты, — 20 раз, ты наш вождь и отец — 10 раз... Я вижу вокруг себя неронов на каждом шагу. Нерон — это дрессировщик, а я не люблю дрессуру: я люблю животных и не могу, когда их бьют, хотя именно этим методом дрессировщики «добиваются успехов» и объясняют мне как профессионалы, что «без этого нельзя», что зверь есть зверь... Зверь — ладно, но кто смеет дрессировать человека? Кто смеет человека ставить на колени и ради какой такой великой цели это можно сделать? Что может быть выше человеческого «Я»?.. Читаю Ницше, он меня поразил, он меня выпотрошил, после него трудно жить. Но одновременно и легко, бодро, и везде у Ницше — я очень грубо пересказываю — отстаивание человеческой личности, человеческого естества, человеческого достоинства. Нет ничего в мире такого, ради чего человек должен падать на колени и сотворять себе кумиров!

— Вы заметили странный парадокс: чем больше вокруг шумной, разрешенной демократии, тем тверже становятся подбородки у неронов. Три часа свободы — это их подарок великому народу. Вечно благодарному за эти три часа, хотя время их истекает быстро.

— Нерон все точно рассчитал в своих играх с народом. Заметьте, он всегда говорит о чем-либо: это будет хорошо и ДЕМОКРАТИЧНО. И несомненный прогресс общества налицо! Как? Вы говорите, режут людей? Зато как развивается стенография! Проложены теплые трубы — будущие поколения этого не забудут. И все славят цезаря. Ну так почему не воспользоваться любовью быдла? Почему не «взять» его, как берешь шлюху, власть? Нерон — сильный, красивый зверь, который все берет по праву сильного. Тогда цезарем быть было труднее, чем сейчас. Тогда цезарь не мог быть дураком или ничтожеством, а мы сплошь и рядом видим ничтожества.

Вы заметили, что в спектакле есть момент, когда зрители хлопают... Нерону? Он властно требует аплодисментов — и ему подчиняются! И начинают действительно хлопать — вроде в шутку, вроде смеясь, но это страшная минута! И потому здесь надо зрителя оскорблять, чтобы выбить из него эту дрессировку, этот условный рефлекс на аплодисменты. И потому актер может позволить себе все: он может ходить голым — кого было стесняться Нерону? — он может даже молиться: ведь поступок оскорбляет сильнее всяких слов!

Армен Борисович! Да как вы СМЕЕТЕ?! То, что прощается неронам в политическом театре, то никогда не простится актеру в этой роли — даже при всех его регалиях. СМЕЮТ только цезари. Но перед этим они непременно советуются с народом. Так прямо и спрашивают: не угодно ли, демос, полить тебя нашей мочой? Временные трудности, придется потерпеть, зато потом

настанет час царской свободы! «Готовы, цезарь!» — кричат в который раз «убойные люди». Надо видеть, каким взглядом смотрит Нерон-Джигарханян вниз, в яму, на копошащихся у его ног сограждан и каким взглядом смотрит на него те, кого он спас из ямы: шлюха, любимый ученик, сенатор-Конь: они не хотят назад! Они не хотят в яму! И они любой ценой будут спасать себя.

— Нерон оскорбляет великий римский народ, а вы норвите оскорбить зрителя: не кажется ли вам, что и в вас сидит Нерон?

— Может быть. Я не знаю, кто еще во мне сидит и сколько их.

— А может, и Сократ?

— А что Сократ? Сократ, между прочим, делает то же самое, что и Нерон: только Нерон, оскорбляя людей, заставляя их думать, а Сократ вас тихо берет за руку и тихо говорит: «Исследуем...» Вы знаете притчу о том, как художник рисовал Иуду? Нет? Ну что вы, это великая притча! Художник долго искал модель для Иуды и наконец нашел какого-то омерзительного старика и обрадовался: вот! Уговорил его позировать, сидит, работает, только замечает, что тот как-то странно на него смотрит — странно и насмешливо, смотрит и спрашивает: «Вы меня не узнаете?» Художник отвечает: «Нет». Тогда тот говорит: «Пять лет назад вы с меня писали Христа». Понимаете? В человеке есть всё. Важно, кого в нем больше: Иуды или Христа. А вы говорите — Нерон. Мы ведь себя не знаем!

— Мне кажется, вы все время играете один спектакль: о ВЛАСТИ. А точнее, о власти-расправе. Власть человека над человеком: «Трамвай «Желание». Власть клана над личностью: сыновья и старый Мендель. Власть над народом: Нерон. В каждом человеке есть, сидит этот осколок кривого зеркала: желание властвовать, сломать, унижить, а «если надо», то и убить, как старый Мендель был убит сыновьями за стремление к свободе...

— Свобода? Ну, это вы загнули уж очень патетически, человек так не думает, он никак это не формулирует. Тем более Мендель! Он просто ВДРУГ увидел эту девочку, Марусю, он нюхает ее волосы, как мой кот нюхает весну, когда я открываю форточку, и он вдруг чувствует, что есть, могла быть другая жизнь, а не та, которую он прожил в этом клоповнике, — от трактира до сортира. Он решил все отдать за эту другую жизнь. Но ему сказали нет, брат, нельзя, у нас тут другие дела, никак нельзя.

— Так вы человек без иллюзий?

— Предпочитаю реальность! За иллюзии все равно придется платить — и чем позже, тем дороже. Все великие идеи, подвиги и преступления держатся на чем-то самом простом, даже элементарном! Вот «Гамлет» для вас что? Быть или не быть? — и так далее. Да? А весь вопрос в том, что Гертруда и Клавдий бешено друг друга хотели! И оттого, что они так друг друга хотели и не могли этому противиться, они убирали с дороги все, что мешало им быть счастливыми! Человек борется за свое счастье, он рожден для этой борьбы. А «Макбет»? Там какой-то страшный зазор, пустота между двумя людьми, там не было счастья, единения, и эта пустота требовала замены — и пропасть эта заполнялась преступлениями.

— Ну, это уже какой-то театральный фрейдизм...

— Ага! Таля-буля! Таля-муля! Да назовите, как хотите, и я могу найти умные слова, это нетрудно, но разве дело в словах? Дело в ре-аль-но-сти!

— Но ведь есть люди, не выдерживающие реальности?

Джигарханян смотрит на вас с сожалением, в глазах его пропадает интерес, раз вы тоже из слабиков, которым нужны иллюзии-подпорки, а ему неинтересны люди, которые не выдерживают правды и борьбы. И он с вежливым равнодушием говорит: — Ну что ж, я допускаю, что мифы кому-то нужны, что миф о Золушке держит на плаву тысячи людей, но... я другой.

— Вот вы все-таки независимый человек, свободный, как вам это удалось?

— Я? — насмешливо-жестко удивляется Джигарханян. — Да кто вам сказал? Я — раб, — устало говорит он, и в эту минуту вы действительно видите перед собой умного, все понимающего, но усталого раба в ветхом рубище вместо приличной и даже веселенькой клетчатой рубашки. И сразу вспоминается пушкинское: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...»

— Свобода — это другое! — И он начинает своей мощной ладонь растирать грудную клетку, словно ему душно или сердце вдруг вздумало выпрыгнуть. — Это биология другая! Другой воздух, другие легкие, все другое. Нет, я — раб. Как и все. А свободен я три часа в сутки — пока я на сцене. Я потому и люблю Нерона — за три часа свободы!

Наталья Айрапетова.